

81.63.2.9

К 37

12561918

Кетенчиев М.Б.

Именные безличные и косвенно-субъектные предложения
в карагайо-балкарском
языке

УДК 415.6=943.12
ББК 81.02:81.60

Рецензент:

кандидат филологических наук, зав. отделом балкарского языка
Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований
А.А. Жаппуев

Кетенчиев М.Б.

Именные безличные и косвенно-субъектные предложения в карачаево-балкарском языке: Учебное пособие по синтаксису. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2003. – 29 с.

Учебное пособие посвящено основным вопросам структурного и семантического анализа именных безличных и косвенно-субъектных предложений в карачаево-балкарском языке. В результате изучения их формы и содержания дается целостная картина, отражающая взаимодействие и взаимовлияние этих сторон синтаксических единиц.

Издание предназначено для студентов-филологов, обучающихся по специальности «Языки и литературы народов РФ (Балкарский язык и литература)».

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, синтаксический строй карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков, в традиционном плане изучен достаточно подробно. Об этом свидетельствуют специальные монографические исследования, учебники, учебные пособия таких ученых, как У.Б. Алиев, И.Х. Ахматов и других. В их работах рассматриваются различные аспекты синтаксиса простого и сложного предложения, в первую очередь, грамматическое членение указанных синтаксических единиц. Однако еще не уделено должное внимание односоставным именным предложениям карачаево-балкарского языка. С одной стороны, они до сих пор не являлись объектом специального исследования. С другой же стороны, многие вопросы в их отношении не решены или же недостаточно изучены. Между тем они занимают важное место в синтаксическом строе языка. Это касается в первую очередь именных безличных и косвенно-субъектных предложений.

Именные односоставные предложения необходимо изучать исходя и из того фактора, что современное языкознание диктует сдвиг интересов от «чистого» синтаксиса к семантике, которая, безусловно, является заметным явлением в лингвистике последних десятилетий XX века. Так называемый «семантико-синтаксический бум» не утратил своей значимости и продолжает развиваться, вовлекая в свою орбиту все новые нюансы.

Думается, односоставные конструкции, как и другие синтаксические построения, следует анализировать и с точки зрения «лексемоцентризма», ибо, как показывает накопленный в языкознании опыт, скрупулезный анализ лексики, которая наполняет предложения в тех или иных формах, позволяет получать исследователю достаточно полные и обоснованные новые знания касательно грамматики.

Развитие современной мировой и отечественной лингвистики подталкивает к рассмотрению синтаксических единиц и во взаимосвязи с другими дисциплинами широкой гуманитарной направленности. Такой подход к анализу семантической структуры предложения дает лингвисту возможность увидеть такую специфику языка, как антропоцентричность, что чаще всего сказывается в лексике и синтаксисе, которая вбирает в себя и другие уровни языка. В немалой степени синтаксис связан и с языковой картиной мира. На наш взгляд, в свете вышеизложенного можно объяснить актуальность данной работы.

Исходя из этого, мы здесь рассматриваем теоретические вопросы, связанные с проблематикой именных безличных и косвенно-субъектных предложений карачаево-балкарского языка, и проводим их структурно-семантический анализ.

ГЛАВА 1. БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

На природу безличных предложений в языкознании имеются различные точки зрения. В русистике на сей счет существуют три мнения.

1. В безличных предложениях отсутствует подлежащее. Действующее лицо в них не может и мыслиться. Такой подход замечаем в трудах Е.И. Галкиной-Федорук (1958), А.Н. Гвоздева (1973), А.Г. Руднева (1968) и др. Так, по мнению А.Г. Руднева, безличные предложения – это «такие односоставные предложения, в которых нет подлежащего, нет и указаний на связь с ним, а действие–состояние осуществляется как бы само собой, стихийно, а внутри нас – помимо нашей воли» (Руднев 1968:50).

Подобное мнение встречается и в современных работах, посвященных русскому языку. Е.Н. Ширяев квалифицирует безличные конструкции как простые односоставные предложения со сказуемыми, называющими действие или состояние, которое представлено без участия подлежащего (грамматического субъекта действия) (Ширяев 1998:45). На это указывается и в некоторых новейших учебных изданиях: «... во всех безличных предложениях устранен производитель действия, семантикой предложения он не допускается. И даже в тех случаях, когда он появляется в реальной действительности, он мыслится не как производитель действия, которому приписан предикативный признак, а как орудие бессубъектного действия: Ураганом сорвало крышу» (Современный русский язык 1999:627).

2. В безличных построениях признается отсутствие подлежащего, но подчеркивается наличие семантического субъекта, который может быть выражен именами в косвенных падежах (см.: Бабайцева 1968; Белошапкова 1977). В.А. Белошапкова говорит о том, что при главном члене безличного предложения (за исключением предложений типа *Рассвело; Снежно-снежно; Тихо-тихо*) абсолютно невозможен конститuent, обозначающий производителя предикативного признака. Но иногда этот компонент передается формой косвенного падежа имени существительного: *Его знобит; Ему взгрустнулось; У бабушки поясицу ломит* (Белошапкова 1997:713).

3. В безличных предложениях наличествует как семантический субъект, так и подлежащее. Они выражаются различными падежными формами и приравняются друг к другу, т.е. ставится знак равенства между безличными и двусоставными предложениями. Анализируя материал русского языка, Г.А.Золотова приходит к выводу о том, что «так называемые безличные предложения не представляют категории односоставности» (Золотова 1982:107). В исследованиях Ю.С.Степанова признается, что русскому предложению не свойственна бессубъектность (см.: Степанов 1981 и др.). По его мнению, субъект в безличных предложениях может быть определенным по пространственно-временным границам явлением внутреннего или внешнего мира (*Меня знобит; В Москве светает*) и неопределенным по пространст-

венно-временным границам явлением природы (*Холодно; Темно*) (Степанов 1998:272).

В тюркском языкознании также высказываются различные точки зрения на рассматриваемый тип односоставных конструкций. В своих ранних работах Н.К.Дмитриев и А.Н.Кононов придерживались того мнения, что в тюркских языках отсутствуют неличные сказуемые, поэтому в них нет и безличных конструкций. Если в свое время в «Грамматике турецкого языка» (1941:213) А.Н.Кононов писал о том, что факты языка не позволяют говорить о безличных предложениях, то в последующем его мнение трансформируется. Они выделяются в отдельную группу (Кононов 1956:506-510). То же самое можно сказать и о взглядах Н.К.Дмитриева (см.: Дмитриев 1948).

Во многих тюркологических исследованиях проблемы безличности предложений связываются с наличием/отсутствием в языке безличных глаголов, т.е. предикатов, которые называют действие или же состояние вне отношения к субъекту действия, представляют действие как происходящее само собой, независимо от деятеля (без действующего лица или предмета). Основываясь на данных языка, лингвисты-тюркологи приходили к выводу об отсутствии в тюркских языках безличных глаголов. Такое мнение представлено еще в XIX веке А.Казем-Бекем (Казем-Бек 1839:336). Подобная точка зрения разделяется и в ряде современных исследований. По этому поводу казахский синтаксист М.Б.Балакаев пишет об их отсутствии в казахском языке. Из-за этого, по его мнению, подавляющее большинство русских безличных предложений при переводе на казахский язык получают личное оформление (Балакаев 1959:207). Указанное мнение принимается не всеми тюркологами. Так, например, К.З.Зиннатуллина подчеркивает наличие в татарском языке не только безличных глаголов, но и личных глаголов в безличном значении. Они выражают в основном явления природы и внутреннее состояние человека (см.: Зиннатуллина 1969:160; 1993:166). По признанию же некоторых лингвистов, в тюркских языках, хотя и нет безличных глаголов, но имеются безличные конструкции (Неустроев 1972:22; Алиев 1973:106 и др.). У Г.Мадины мы читаем следующее: «В казахском языке, как и в других тюркских языках, отсутствуют безличные глаголы. Но это не значит, что в нем отсутствуют и безличные предложения, ибо безличные глаголы и безличные предложения, хотя и в известной степени связаны между собой, принадлежат к различным грамматическим категориям» (Мадина 1959:4-5).

Анализ научно-теоретической литературы показывает, что среди языковедов-тюркологов преобладающим является мнение о наличии в тюркских языках наравне с другими односоставными предложениями и безличных конструкций. Об этом свидетельствует и тот факт, что последние как самостоятельный тип конструкций выделяются и описываются практически во всех современных грамматиках тюркских языков.

В тюркском языкознании отмечаются некоторые отличительные черты безличных предложений. Их можно суммировать следующим образом. Во-

первых, предикативную основу составляет лишь один главный член (глагольный или именное сказуемое). Во-вторых, в них не наличествует грамматический субъект (подлежащее). В-третьих, предикативный компонент не указывает на наличие в предложении активного субъекта. По всей видимости, поэтому в работах, где говорится о безличных конструкциях, встречается примерно одинаковое их определение. Н.Н.Неустроев в «Грамматике современного якутского литературного языка» безличными квалифицирует такие предложения, «в которых подлежащего нет и не может быть, а форма сказуемого не указывает на субъект действия (состояния)» (Неустроев 1995:75). Такие определения имеются и в других работах (см., например: Кононов 1956:506; Балакаев 1959:207; Мадина 1959:7; Сагитов 1965:277; Алиев 1973:106 и др.).

Некоторая солидарность среди синтаксистов-тюркологов наблюдается и в классификации безличных предложений. В основе классификации тюркских безличных предложений лежат признаки, взаимосвязанные между собой. К ним можно отнести средства выражения главного члена предложения (морфологический признак) и значения, которые выражаются этими предложениями (семантический признак). Согласно первому критерию, они делятся на глагольные и именные, имеющие различную семантику.

Изучению безличного предложения в карачаево-балкарском языке должное внимание уделено И.Х.Ахматовым. Об этом свидетельствуют его работы (Ахматов 1977, 1978, 1979, 1983:280-311). Следует сказать, что не со всеми традиционными положениями о безличном предложении он согласен. Так, им в некотором отношении критике подвергаются определения безличных предложений, встречающиеся в тюркологических исследованиях. По его мнению, они не являются безупречными, поскольку наличие лишь одного главного члена характерно как для безличных, так и ряд других типов односоставных предложений (номинативных, определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных). Он говорит и о том, что «в некоторые безличные предложения легко можно ввести подлежащее, однако при этом меняется их структура, на что должно быть указано в определении» (Ахматов 1983:284).

На основе анализа имеющейся научно-теоретической литературы, а также, опираясь на факты карачаево-балкарского языка, И.Х.Ахматов приходит к выводу, что безличными целесообразно признать такие синтаксические конструкции, в которых субъект отсутствует или наличествует личный субъект, являющийся косвенным. Отсюда в карачаево-балкарском языке безличные предложения делятся на бессубъектные и косвенно-субъектные (Ахматов 1979). В монографической работе, посвященной структурно-семантическому анализу простого предложения, выделяются четыре типа моделей безличных предложений: 1) глагольные модели безличных предложений, 2) фразеологизированные модели, 3) безличные предложения с вклю-

чающими и включенными предикатами, 4) именные модели безличных предложений (см.: Ахматов 1983:293-310).

В дальнейшем его взгляды на природу безличных предложений в определенной степени трансформируются. Он считает, что общим для всех безличных предложений является полное отсутствие лексических и морфологических средств выражения субъекта действия, т.е. отнесение в лингвистической литературе косвенно-субъектных предложений к безличным является одним из недостатков тюркской традиционной лингвистики (Ахматов 1990:4; 1997:39). Он не одинок в своем мнении. Так, А.Н.Баскаков термин «безличные предложения» признает неточным. На его взгляд, термин «бессубъектный» кажется наиболее удачным, особенно применительно к предложениям, конституирующий член в которых выражен непереходными глаголами в страдательном залоге, свойственными турецкому и другим тюркским языкам (Баскаков 1984:97). Опираясь на то, что в некоторых предложениях, выделяемых тюркологами как безличные, субъект бывает определенным, М.З.Закиев относит их к определенно-личным (Закиев 1963:39; 1971:40). Таким образом, круг безличных предложений значительно сужается.

Мы здесь не будем останавливаться на глагольных безличных конструкциях, так как они подвергнуты подробному структурно-семантическому анализу не только в карачаево-балкарском языке, но и во всем тюркском языкознании в целом.

Попробуем рассмотреть именные безличные предложения по характеру средств выражения их главного члена и формально-семантическим признакам. Они делятся на несколько групп.

1. При определенных условиях именные безличные предложения выражают пространственные отношения. Подобные конструкции состоят в основном из трех компонентов: а) локального конкретизатора начальной точки (старта), б) локального конкретизатора конечной точки (финиша), в) предиката расстояния. Ср.: Чегемден Нальчикге жууукьду (З.) «*От Чегема до Нальчика близко*».

Каждый из указанных компонентов в таких построениях имеет свои средства выражения. Так, например, конкретизатор начальной точки обычно выражается именем в исходном падеже. Кроме того, наблюдается употребление лексикализованных грамматических форм этого падежа (наречий), послеложно-именных сочетаний, первый компонент которых представляет родительный падеж имени, а второй компонент – послеложное имя в исходном падеже. Это позволяет представить ту или иную точку пространства более дифференцированно. Семантический конкретизатор конечной точки передается как именем в дательно-направительном падеже, так и послеложно-именными сочетаниями и наречиями. Что же касается предиката расстояния, то он представлен обычно антонимичными лексемами жууукь «*близко*» – узакь «*далеко*». Последние обозначают меру расстояния неопределенно, абстрактно. Для передачи же более конкретной, точной информации касательно

расстояния языком используются дескрипции, состоящие из количественных числительных и нумеративов меры расстояния. К ним в языке относятся слова типа атлам «шаг», кычырым «верста (расстояние, куда достигает голос человека)», метр, километр. Примеры: 1) Нальчикден Москвагъа узакъды (М.Т.) «От Нальчика до Москвы далеко»; 2) Нальчикден Владикавказгъа жюз бла жыйырма километрди (З.) «От Нальчика до Владикавказа 120 километров»; 3) Сизни къошну къатындан бизни къошха дери тёрт-беш кычырым болады (Ш.) «От вашей кошары до нашей кошары около 4-5 верст»; 4) Былайдан алайгъа жюз атламды (Ф.) «Отсюда до того места сто шагов»; 5) Бизден сизге жууукъду (Н.) «От нас до вас близко». Типовое значение этих конструкций заключается в выражении расстояния от одного определенного места до другого.

В ряде случаев можно заметить опущение из подобных предложений локального конкретизатора начальной точки. Это рассчитано на то, что слушателю из конституации известно это место: Нальчикге дери артыкъ узакъ тойюлдю «До Нальчика не так далеко». Элиминировать же из конструкции локализатор конечной точки обычно невозможно, так как предложение тогда теряет свой смысл.

В структуру предложений рассматриваемого типа иногда входят имена в основном падеже или же притяжательные имена со своими определениями в оформленном родительном падеже. Круг их ограничен (жол «дорога, путь», жолну узунлугъу «длина пути»). Примеры: 1) Чегемден Нальчикге дери жол жууукъду «Путь от Чегема до Нальчика близко»; 2) Нальчикден Москвагъа дери жолну узунлугъу эки минг километр чакълыды «Расстояние от Нальчика до Москвы около 2000 километров». Такие предложения являются двусоставными. Однако в языке для передачи расстояния языком выбираются конструкции безличного характера.

2.В языке наличествуют и темпоральные безличные предложения. И.Х.Ахматов пишет, что «такowymi являются предложения, в которых слова жууукъ «близко», узакъ «далеко» употреблены в переносном значении» (Ахматов 1983:309). Приобретение ими подобной семантики обусловлено их контекстуальным окружением. С другой стороны, понятийные категории пространства и времени связаны между собой. Поэтому весьма часто они выражаются одними и теми же средствами языка. Изначально существующая форма выражения для того или иного значения используется носителем языка для репрезентации и другой семантики.

Таким образом, указанные лексемы репрезентируют значение времени и становятся предикатами, которые открывают синтаксические позиции для темпорального конкретизатора. Примеры: 1) Алыкъын ахшамгъа узакъды (М.Т.) «До вечера еще далеко»; 2) Энди эрттенликге жууукъду (Ш.) «Теперь до утра близко».

Как видно, темпоральный конкретизатор выражается здесь формой дательно-направительного падежа. Дело в том, что темпоральный предикат

ориентирует на будущее время. Семантический конкретизатор также служит выражению будущего времени. Это значение невозможно передать посредством другой падежной формы. В пользу этого свидетельствуют и инфинитивные формы, использующиеся в качестве выразителей временных конкретизаторов: Танг атаргъа узакъды «*До рассвета далеко*».

В ряде случаев лексема жууукъ выполняет функцию послеложного имени и управляет дательного-направительным падежом. При этом возможно включение в структуру конструкции темпоративов заман «*время*», кюн «*день*». Тогда предложения преобразуются в двусоставные, поскольку указанные лексемы выполняют функцию подлежащего: Энди кюн тюшге жууукъду «*Теперь время близко к обеду*». Правда, последнее предложение можно квалифицировать и как безличное. Дело в том, что иногда сочетание кюн тюшге (ортагъа) воспринимается как неразрывное единство, становится устойчивым и выполняет в предложении функцию одного члена предложения: Ол кюн тюшге (ортагъа) дери жукълайды «*Он спит до обеда*».

В качестве темпоральных предикатов используются в языке и лексемы с первичным значением времени (эртте «*рано*», кеч «*поздно*»): Тангнга дери алыкъын эрттеди «*До рассвета еще далеко*». Но в большинстве случаев эти предикаты указывают на временной предел совершения того или иного действия: Ары барыргъа эрттеди «*Идти туда еще рано*»; Дерсге кирирге энди кечди «*Заходить на урок уже поздно*».

Отношения времени выражают также некоторые предложения с предикатами количества (кѣп «*много*», аз «*мало*»). Такие предикаты открывают позицию подлежащего, замещаемую словом заман «*время*»: Дерсге дери заман кепдю «*До урока времени много*». Наличие/отсутствие времени передается конструкциями с экзистенциальными предикатами (бар «*есть*», жокъ «*нет*»): Мени дерс этерге заманым барды «*У меня есть время для выполнения уроков*».

3. В качестве предиката именных безличных предложений нередко выступают лексемы с общеоценочным значением типа иги «*хорошо*», аман «*плохо*», алапат «*замечательно*», залим «*прекрасно*», хычыуун «*приятно*», сейирлик «*удивительно*». Безличные предложения, главный член которых выражен этими словами, репрезентируют ситуацию обычно безотносительно к какому-либо лицу или предмету. Они без опоры на контекст или конситуацию, или же без распространения определенными поясняющими словами, не могут быть информативно достаточными, поэтому сочетаются с другими словами. Этому способствует валентность предиката на местный падеж имени, на послеложно-именные сочетания, в которых послеложное имя находится в форме местного падежа, местоимения и наречия. Примеры: 1) Тауда бусагъатда игиди (З.) «*В горах сейчас хорошо*»; 2) Анда уа бек сейирлик эди (Н.) «*А там было очень удивительно*»; 3) Эльбрусну тийресинде аман туюлдю (Л.б.) «*В районе Эльбруса неплохо*»; 4) Бусагъатда терекле туюбюнде бек хычыуунду (Ш.) «*Сейчас под деревьями очень приятно*»; 5)

Жайда жайлыкьда алаMAT болуучуду (М.Т.) «*Летом на пастбище бывает прекрасно*».

В подобных примерах дается общая оценка ситуации. При этом исходим из особенностей ее восприятия, которое имеет субъективно-объективный характер. В предложениях рассматриваемой структуры наличествуют локализаторы, которые являются не только пространственными, но и личностными, событийными и т.д. Об этом свидетельствуют следующие конструкции: 1) **Сизде игиди** «У вас хорошо»; 2) **Жыйылыуда аманды** «На заседании плохо»; 3) **Бу тойда залимди** «На этом тое прекрасно».

Из приведенных примеров без ущерба для их смысла невозможно опустить локализаторы, что говорит об их облигаторности для структуры предложения. Другое дело, когда речь идет о словах со значением времени (темпоральных конкретизаторах). В предложениях с их участием оценка локуму дается через время. Конкретизаторы времени меньше привязаны к предложению, являются в некоторой степени их факультативными компонентами.

Неотъемлемым атрибутом безличных предложений могут становиться и сравнения, которые зачастую также факультативны: **Сизден эсе бизде игиди** «У нас лучше, чем у вас»; **Бусагытда таудан эсе ёзенде аманды** «Сейчас на равнине хуже, чем в горах».

Известно, что предикаты общей оценки характеризуют лицо, предмет, ситуацию по многим параметрам. Предложения с их участием репрезентируют ситуацию несколько абстрактно, неопределенно. В конкретизации их семантики значительна роль дискурса. Для сообщения более определенной информации выбираются предложения и другой формальной устроенности. Например: **Тауда бусагытда игиди, нек десенг хауа тазады, кюн тийипди (Ш.)** «В горах сейчас хорошо, потому что воздух чистый, светит солнце».

Таким образом, в зависимости от контекста, предложения с предикатами общей оценки выражают состояние лица, окружающей среды и т.п.

4. Наибольшее распространение среди именных безличных конструкций получили предложения с предикатами состояния. Такие построения обычно состоят из двух компонентов: временного или локального конкретизатора и предиката состояния. Нередким является наличие в предложении как локального, так и темпорального конкретизатора: **Таулань тийресинде жылны бу кезиунде сууукь болуучуду (М.Т.)** «В горах в это время года бывает холодно». Предикаты состояния, как и предикаты других семантических классов, употребляются и в одиночном виде, и в сочетании со вспомогательными глаголами, которые придают предложению в целом временной оттенок. Ср.: **Эшикде кьарангы эди** «На улице было темно» – **Эшикде кьарангыды** «На улице темно» – **Эшикде кьарангы болду** «На улице стало темно» – **Эшикде кьарангы боллукьду** «На улице станет темно».

Для именных безличных предложений в большей степени характерно выражение физического состояния, т.е. они репрезентируют состояние при-

роды, среды, вещей и пр. Исходя из этого, именные безличные предложения возможно разделить на несколько подгрупп.

В отдельную подгруппу можно выделить конструкции, которые передают состояние среды, проявляющееся в ощущениях холода и тепла или же характеризующееся степенью теплоты. В них в качестве предикатов функционируют слова типа жылы «тепло», сууукъ «холодно», исси «горячо», кызызу «жарко». Примеры: 1) **Бизни отоуда салкынды** (М.Т.) «*В нашей комнате прохладно*»; 2) **Кыш тауда сууукъду** (Ш.) «*Зимой в горах холодно*»; 3) **Жылны бу кезиунде мында жылыды** (З.) «*В это время года здесь тепло*»; 4) **Сизде бусагъатда бек кызыуду** (Н.) «*Сейчас у вас очень жарко*».

Некоторые предикаты выражают состояние воздуха, которое проявляется через обонятельные ощущения: **Былайда ийислиди** «*Здесь воздух с тяжелым запахом*».

Предикаты жарыкъ «светло», кьарангы «темно», мутхуз «пасмурно» характеризуют световое состояние атмосферы или локально ограниченного пространства (помещения), воспринимаемого зрительно. Например: 1) **Дорбунну ичинде кьарангыды** (О.Э.) «*Внутри пещеры темно*»; 2) **Бусагъатда жарыкъды** (К.Ш.) «*Сейчас светло*»; 3) **Бюгюн мутхузду** «*Сегодня пасмурно*».

Атмосферное состояние характеризуется по различным качественно-природным признакам, что обуславливается такими предикатами, как булутлу «облачно», туманлы «туманно», желли «ветрено» и т.п. Примеры: 1) **Кийикчиде булутлуду** (М.Т.) «*В Кийикчи облачно*»; 2) **Таулада желлиди** «*В горах ветрено*»; 3) **Анда туманлыды** (Ш.) «*Там туманно*».

Встречаются и предложения, репрезентирующие состояние, обусловленное степенью насыщенности влагой: 1) **Анда жауунлуду** (М.Т.) «*Там дождливо*»; 2) **Агъачда мылыды** «*В лесу влажно*».

Состояние характеризуется и по звуковому признаку: 1) **Жыйылыуда дауурлуду** (З.) «*На собрании шумно*»; 2) **Отоуда шошду** «*В комнате тихо*».

Между выделенными в тюркских языках именными безличными предложениями и двусоставными предложениями со значением состояния нет непроходимых границ. Об этом говорит возможность включения в структуру безличного предложения субъектной лексемы в основном падеже. Тогда безличное предложение преобразуется в двусоставное: **Тауда сууукъду** «*В горах холодно*» – **Тауда кюн сууукъду** «*В горах погода (день) холодная*». Можно говорить и о том, что безличное предложение возникло в результате опущения прямого субъекта двусоставного предложения. Тут, конечно, возникает проблема разграничения двусоставных и односоставных предложений, которую трудно решить однозначно. Предикаты в указанных предложениях в семантическом плане адекватны друг другу. При бессубъектном функционировании предикат состояния воспринимается как лексема, употребленная в безлично-предикативном значении. Такое восприятие, нам кажется, в нема-

лой степени обусловлено и переводимостью на русский язык. При наличии же прямого субъекта, предикат воспринимается как имя прилагательное.

Именные безличные предложения существенным образом сближаются с номинативными конструкциями. Это можно заметить при сравнении построений, передающих состояние природы, окружающей среды. Ср. предложение Арбазда батмакды. Его можно перевести на русский язык двояко: «*На дворе топь*» и «*На дворе топко*». В первом случае мы можем говорить о номинативности предложения, а во втором – о безличности. Однако вряд ли следует опираться на перевод конструкций при разграничении безличных и номинативных предложений. Конечно, для главного члена номинативных предложений характерно в основном употребление без аффиксов предикативности. Однако по отношению к конструкциям со значением состояния и времени это правило не срабатывает. Они могут функционировать как в предикативно оформленном, так и в неформальном виде: Тауда жауун // жауунду «*В горах дождь*». В безличном значении же мы видим предложение Тауда жауунлуду «*В горах дождливо*». Они характеризуют состояние. Но между ними есть и некоторые различия. Так, если в номинативном предложении подчеркивается бытие на данный момент осадков в виде дождя, то безличное предложение тяготеет скорее всего к выражению состояния через свойство.

Семантические конкретизаторы в языке представляются не только пространственными падежами, но и основным падежом. Поэтому налицо предложения типа Орамда жарыкды «*На улице светло*» и Орам жарыкды «*Улица светлая*». Они характеризуют одну и ту же ситуацию – состояние освещенности улицы. Конкретизаторы, выраженные основным падежом, отмечены, персонифицированы.

Предложения рассматриваемой структуры и семантики антропоцентричны. Так, например, когда мы говорим, что на улице холодно, не можем пощупать улицу на предмет теплоты, а говорим это, опираясь на свои собственные ощущения. Человеку холодно, значит там, где он находится, температура оставляет желать лучшего.

Выше были рассмотрены основные семантические типы предикатов состояния в безличных конструкциях. Поскольку предложения, выражающие состояние, образуются взаимодействием указанных предикатов и семантических конкретизаторов, то следует остановиться и на последних.

Семантические конкретизаторы в именных безличных построениях со значением состояния имеют ряд формальных средств выражения:

1) одиночные имена существительные в местном падеже: Орамда бу-сагъатда сууукды «*На улице сейчас холодно*»; Бу кезиуде Домбайда аламатды «*В это время на Домбае прекрасно*»;

2) местоимение в местном падеже (менде «*у меня*»; сизде «*у вас*»; кесигизде «*у вас самих*» и др.): Сизде желлиди «*У вас ветрено*»; Кесибизде игиди «*У нас самих хорошо*»;

3) сочетания имен существительных (местоимений) в оформленном или же неоформленном родительном падеже с послеложными или другими именами в местном падеже. Причем имена в местном падеже зачастую снабжаются аффиксами принадлежности (таула тийресинде «в районе гор»; кьошну кьатында «рядом с кошарой», сизни арбазыгызда «в вашем дворе», сизни алыгызда «перед вами» и др.): Хасанияны кьатында аман туйюлду «Около Хасаны неплохо»; Кьалчагъай тийресинде кьызыду «В районе Капчагай жарко»; Сизни кьатыгызда балчыкьды «Около вас грязно»;

4) наречия (бюгюн «сегодня», быйыл «в этом году», тышында «снаружи», ёргеде «наверху» и т.п.): Быйыл кьургъакьды «В этом году сухо»; Тышында хычыуунду «Снаружи приятно»;

5) фразеологические единицы: Буу ёкюрген заманда жылы болуучуду «Ранней осенью бывает тепло»; Танг ата салкьын болуучуду «Ранним утром бывает прохладно».

Языковой материал показывает, что для именных безличных предложений в семантическом плане присущи темпоральные и пространственные конкретизаторы. Для таких семантических компонентов основной формой выражения является форма местного падежа. Но темпоральные распространители представляются в карачаево-балкарском языке и в форме дательного падежа, что является их специфической чертой. Примеры: Танг аласына суу бойунда салкьыныракь болуучуду (М.Т.) «К утру у воды бывает прохладней»; Тамблагъа жылы боллукьду (Ш.) «К завтрашнему дню станет тепло».

Слова жаз «весна», жай «лето», кьыш «зима» в языке признаются омонимами и передают значения как существительного, так и наречия. Если их квалифицировать как существительные, то предложения типа Кьыш сууукьду «Зима теплая» следует отнести в разряд двусоставных адъективных конструкций. Если же принять во внимание их отнесенность к наречиям, то следует говорить о безличности предложения: Кьыш сууукьду «Зимой холодно». Тем не менее, семантическое качество подобных конструкций не меняет ситуацию. В любом случае они передают состояние по отношению к определенному времени года. На сегодняшний день основанием для их разграничения является переводимость на русский язык соответствующим образом. Тут можно говорить о том, что предложения различной формальной устроенности могут передавать одно значение. Такое положение вещей наблюдается и в иноструктурных языках (см., например: Малаховский 1990).

В языке употребительны конструкции с адъективными предикатами состояния, подлежащими которых выступают не только имена со значением времени года, но и времени суток. Но и те, и другие нередко функционируют в синтаксических единицах как лексикализованные (адвербиализованные) грамматические формы, что способствует выражению их темпоральными конкретизаторами безличных конструкций. Ср.: Эрттенлик сууукьду «Утро

холодное» – Эрттенликде сууукъду «Утром холодно» – Эрттенликге сууукъ болду «К утру похолодало».

Как было отмечено, в структуре безличного предложения параллельно сосуществуют темпоральные и локальные конкретизаторы. Это лишний раз подчеркивает взаимосвязь функционально-семантических категорий времени и пространства. К тому же они выражаются в основном одними и теми же языковыми формами. Это и понятно, ибо действия и состояния немислимы без пространства и времени. Состояние характеризуется тем, что присуще лицу, предмету, окружающей действительности в течение ограниченного времени, локализуется в определенном месте.

Локальные конкретизаторы, наличествующие в языке имеют несколько разновидностей: собственно пространственные, предметные, личностные, событийные. Наибольшим удельным весом обладают собственно пространственные локализаторы, так как пространство имеет в языке множество средств выражения. Это, в первую очередь, наименования пространства: Школда жарыкъды «В школе светло»; Былайда шошду «Здесь тихо»; Бедикде мылды «В Бедыке влажно»; Каспийде кюнлюду «На Каспии солнечно».

Предметные локализаторы несколько отличаются от собственно пространственных. Они «естественнее выступают в роли координатной точки, т.е. могут не только прямо называть пространство, внутри которого размещается предмет, но и указывать на некоторую точку, относительно которой адресат речи должен сам построить представление о таком пространстве» (Серээдар и др. 1996:25). О состоянии такого пространства может говориться в именных безличных предложениях: Аны къатында къоркъуулуду «Рядом с ним опасно»; Шкафда къарангыды «В шкафу темно»; Эшикни къатында аялыды «Рядом с дверью сквозит».

Личностные локализаторы представлены существительными и местоимениями. Их специфика состоит в том, что лицо привязано к пространству, находится и живет всегда в определенном месте, которое может меняться. Поэтому в безличных предложениях пространство и состояние характеризуются через местонахождение лица: Алада игиди «У них хорошо»; Ахматлада жарыкъды «У Ахматовых светло».

Сказанное относится и к предложениям с событийными локализаторами: Урушда къоркъуулуду «На войне опасно»; Бу байрамда артыкъда къууанчыды «На этом празднике особенно радостно». События также привязаны к месту. Но значение событийности чаще всего превалирует над последним.

Именные безличные предложения меньше представлены в языке, чем глагольные. Они легко подвергаются преобразованиям в косвенно-субъектные и двусоставные именные предложения, вступают с ними в синонимические отношения. Поэтому думается, что процесс их окончательного становления еще не закончен.

ГЛАВА 2. КОСВЕННО-СУБЪЕКТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выделение такого типа предложений основано на установлении семантических конститuentов конструкций, в первую очередь, семантического субъекта и выявлении средств их выражения. По справедливому замечанию Г.А. Золотовой, «ходом развития лингвистической теории понятие субъекта поставлено в положение одного из самых дискуссионных понятий» (Золотова 1982:133). По мнению же И.Х.Ахматова, от решения вопроса о средствах выражения субъекта зависит правильность подхода к вопросам «о выделении подлежащего, сказуемого и структурных типов простого предложения – в первую очередь безличного» (Ахматов 1990:3).

Синтаксисты–тюркологи при классификации и анализе предложений опирались в основном на традиционные методы, что послужило причиной не обращения к вопросу о косвенно-субъектных предложениях. В некоторых синтаксических исследованиях, посвященных тюркским языкам, говорится, что синтаксисты «выделяют лишь незначительную часть косвенно-субъектных предложений и, следуя русской грамматической традиции, ошибочно относят их к безличным конструкциям» (Ахматов 1989:11).

Анализ имеющейся научно-теоретической литературы показывает, что нет единства мнений в вопросе о средствах выражения субъекта предложения. Имеется много работ, в которых основной падеж имени считается едва ли не единственным средством выражения субъекта. Однако немало и работ, где косвенные падежи признаются его выразителями. В русском языкознании в ряде исследований были предприняты попытки квалифицировать конструкции с подобными компонентами как двусоставные, т.е. косвенный субъект признавался подлежащим (см.: Костинский 1971). Наличие в истории русистики такого подхода заметил еще В.В.Виноградов. У него мы читаем: «В логическом отношении, – писал Ф.И.Буслаев, – можно назвать в безличном предложении подлежащим дательный падеж, означающий отношение к лицу, например, «Мне хочется» (Виноградов 1958:231).

Согласно Г.А.Золотовой, противопоставленность именительного и косвенных падежей можно оправдать лишь условно, и это вряд ли послужит основой деления предложений на личные и безличные, так как «именительный падеж – лишь одна из форм в функциональном ряду обозначений лица» (Золотова 1973:161).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что субъект выражается как основным, так и косвенными падежами. Об этом свидетельствуют не только научно-теоретические работы (Воронина 1976; Кокорина 1979; Степанов 1981; Всеволодова 1995 и др.), но и современные учебники для вузов по синтаксису (Современный русский язык 1997, 1999).

В пользу такого мнения говорит и материал тюркских языков, на что особое внимание обратил и И.Х.Ахматов в своих изысканиях по синтаксису (Ахматов 1983, 1989, 1990).

В учебниках по карачаево-балкарскому языку косвенно-субъектные предложения выделяются в особый тип односоставных предложений (сёдегей иели айтымла), в которых косвенный субъект выражен родительным, дательно-направительным, винительным, местным падежами (Ахматланы И.Х. 1996:46; 1998:102)

В лингвистической литературе отмечается, что в тюркских языках встречаются фразеологизированные типы глагольных предложений, в которых субъект выражается формой родительного падежа вместе с притяжательными аффиксами. К ним относят такие предложения, как Мени жаным кетди «Я испугался» (букв. «Моя душа ушла»); Мени кёлюм бокъланды «Меня тошнит» (букв. «Мое настроение загрязнилось»). В этих построениях в оформленном родительном падеже употребляются слова со значением лица, а в основном – лексемы типа жан «душа», акъылы «ум», кёл «настроение». По И.Х.Ахматову, сочетания, состоящие из данных слов и некоторых глаголов, относятся к устойчивым. Поэтому в словарях тюркских языков они приводятся как фразеологизмы, в синтаксических же исследованиях – как средства выражения сказуемого (Ахматов 1990:9).

Таково положение вещей и в системе тюркского именного предложения. Ср.: Аны кёлю такъырды «Он сильно опечаленный»; Мени кёлюм жер бла тенгди «У меня настроение паршивое». В подобных именных конструкциях передается психологическое состояние личного субъекта, выраженного родительным падежом и притяжательным аффиксом. Предложения с родительным субъекта, в основе которых лежат фразеологизмы, имеют различную формальную и семантическую устроенность. Примеры: Мени кёлюм сендеди «Моя душа в тебе»; Аны эси къайда эсе да узакъдады «Его внимание где-то далеко»; Аны акъылы кемди «У него не хватает ума» и т.п.

Не вызывает сомнения тот факт, что не всегда совпадает семантическое и синтаксическое членение предложения. Появление в предложении семантико-синтаксической асимметрии признается в современных синтаксических исследованиях (Махмудов 1984:2). Так, в предложении Мени чачым къарады «Мои волосы черные» обычно выделяют три члена предложения: именное сказуемое къарады, подлежащее чачы и определение мени. Но в его семантической структуре следует выделить субъект и предикат.

В тюркских языках имеется целый пласт предложений, отличительной чертой которых является то, что в них позицию подлежащего занимают лексемы-соматизмы, употребляющиеся, как правило, с аффиксами принадлежности. Поэтому в таких построениях субъект выражается лексикоморфологически, или комплексно. Это обусловлено тем, что они являются конструкциями со значением так называемой «неотторжимой принадлежности». Основным признаком значения этих предложений, по которому они противопоставляются другим именным посессивным конструкциям языка, признается «максимально тесная нерасторжимая связь посессора и объекта,

такая, что посессор, утратив объект, перестает быть тождественным самому себе и поэтому вне связи с объектом не мыслится» (Журина 1977:195).

Таким образом, комплексное, или лексико-морфологическое, выражение субъекта является спецификой многих сочетаний в форме 3-го изафета, что отражается в синтаксисе всех тюркских языков. Сказуемыми, предикатами, конструкций с такими субъектами выступают различные части речи, т.е. они могут быть как глагольными, так и именными.

В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, косвенный субъект выражается не только комплексно, но и посредством лишь родительного падежа. Подобное мы наблюдаем в предложениях со сказуемыми-предикативами бар «*есть*», жокъ «*нет*», предикатами количества кѣп «*много*», аз «*мало*». Примеры: 1) Мени тенгим кѣпдю «*У меня есть много друзей*»; 2) Даутну ахчасы барды «*У Даута есть деньги*»; 3) Аны ашы азды «*У него мало еды*»; 4) Бизни юйюбюз жокъду «*У нас нет дома*» и т.д. Они имеют свои синонимы среди конструкций, субъект в коих выражается местным падежом. Ср.: Менде ахча жокъду «*У меня нет денег*»; Бизде мал кѣпдю «*У нас много скота*» и др.

Для подтверждения правоты изложенного можно привести следующие трансформы, синонимичные друг другу: Мен байма // Мени байлыгъым барды // Менде байлыкъ барды «*Я богат // У меня есть богатство*»; Ол ахчасызды // Аны ахчасы жокъду // Анда ахча жокъду «*Он безденежный // У него нет денег*» и пр.

Как видим, в указанных примерах личный субъект выражается основным, родительным и местным падежами.

В языке личный субъект выражается не только личными местоимениями и личными именами, но и другими лексемами. Например, словами типа кырал «*государство*», республика, шахар «*город*», эл «*село*», мялк «*хозяйство*». К такому предположению мы приходим исходя из того, что они обозначают некое сообщество людей, объединенных интересами, территорией, родом деятельности и т.п. Примеры: Кырал жарлыды «*Государство богатое (беден, в первую очередь, народ, живущий в этом государстве)*»; Мялкюбюз къарыусуду «*Наше государство бедное*».

В карачаево-балкарском и других тюркских языках функцию косвенного субъекта очень часто выполняют словоформы, представленные дательным-направительным падежом. Об этом говорится во многих тюркологических исследованиях, посвященных синтаксису и семантике падежных форм. Большой акцент делается при этом на их функционирование в безличных предложениях. В них говорится о том, что имена и их субституты в дательном-направительном падеже употребляются в качестве выразителей субъекта в конструкциях, относящихся к безличным (см.: Сагитов 1964; Чойбеков 1980, Сатимов 1987 и др.). В качестве иллюстративного материала можно привести построения типа алг. Биске уйуктаарга келишпес «*Нам не придется спать*»; караим. Аны сабан сюрювчюгя керек айтма «*Пахарю нужно это*

сказать»; карач-балк. Манга иги окъургъа тийшлиди «Мне необходимо хорошо учиться».

Здесь следует согласиться с И.Х.Ахматовым (да и с другими тюркологами), который говорит о замещении в подобных предложениях позиции сказуемого сочетаниями любой неличной формы глагола с ограниченным количеством глаголов, предикативно-модальных слов, прилагательных и наречий (Ахматов 1990:40).

В современных грамматических исследованиях в связи с семантизацией синтаксиса на материале разноструктурных языков уделяется значительное внимание указанным предложениям. Выделяются конструкции, в которых у вершинного глагола, или любого другого вершинного слова, как минимум один семантический компонент имеет предикативное значение. Это позволяет показать, что инфинитивные, причастные и некоторые другие синтаксические конструкции, «которые в рамках формальной морфологосинтаксической классификации представляют собой самостоятельные синтаксические единицы, в соответствии с развиваемыми представлениями выступают лишь как формальные варианты инвариантных КПА» (Типология конструкций... 1985:3).

Опираясь на отмеченное, В.Б.Касевич и В.С.Храковский в изучении КПА (конструкций с предикатными актантами) ставят несколько задач, которые в основном сводятся к характеристике их семантико-синтаксической структуры, а также их формальных средств выражения (Касевич, Храковский 1983:12). На наш взгляд, означенное актуально и для тюркских языков.

Здесь мы кратко остановимся на конструкциях с вершинными словами неглагольной семантики, которые принято считать включающими предикатами. Таковых в языке незначительное количество.

В выражении включающего, или главного, предиката конструкций значителен функциональный потенциал таких предикативов с модальным значением, как керекди // тийишлиди «необходимо, нужно». Для них характерно выражение долженствования. Рассмотрим следующие примеры: 1) Азизге юйге барыргъа керекди «Азизу необходимо идти домой»; 2) Манга иги окъургъа тийишлиди «Мне нужно хорошо учиться»;

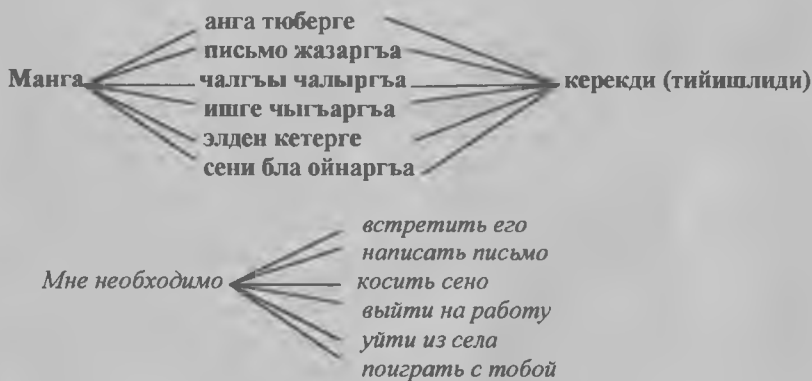
В традиционной грамматике сочетания инфинитива с предикативами керек, тийишли считают составными сказуемыми. Так, У.Б.Алиев признает за ними статус сказуемых, образованных при помощи вспомогательных глаголов (Алиев 1973:151). Алтайский синтаксист А.Т.Тыбыкова, признавая наличие в языке одиночных модальных предикатов типа керек, в то же время пишет, что глагольная форма составляет с модальным предикатом единую аналитическую конструкцию, выступающую в роли единого члена предложения. Поэтому она предлагает называть ее «сложным модальным сказуемым» (Тыбыкова 1991:78).

В современном карачаево-балкарском синтаксисе подобный подход неприемлем. По И.Х.Ахматову, есть несколько причин, которые не позволя-

ют придерживаться указанного подхода. Они следующие: 1) для отнесения лексем типа *керек* к вспомогательным словам нет достаточных оснований; 2) в отмеченном случае не раскрывается причина функционирования субъекта в форме дательно-направительного падежа; 3) подобная интерпретация не согласуется с критериями выделения оборотов, образуемых неличными формами глагола (Ахматов 1990:5). С этим мнением трудно не согласиться. Необходимо отметить еще и тот факт, что в рассматриваемых предложениях неличные формы глагола имеют такие аргументы, которые не вступают в непосредственную семантико-синтаксическую связь с включающим предикатом.

Таким образом, у включающего и включенного предикатов имеются свои аргументы, обусловленные их валентностью. Включающим предикатом задается позиция зависимого предиката, который имеет в свою очередь, относящиеся только к нему объектные и обстоятельственные компоненты в предложении. Что же касается субъекта, выраженного формой дательно-направительного падежа, то появление его в структуре конструкции обусловлено валентной связью как главного, так и зависимого предикатов. В результате налицо конструкции с предикатными актантами, в которых субъект косвенный.

В языке лексическое наполнение позиции включенного предиката строго не регламентируется, т.е. здесь используются глагольные лексемы самой разнообразной семантики, что видно при сравнении следующих примеров:

Место включенного предиката в косвенно-субъектных конструкциях с предикатными актантами занимают не только инфинитивные, но и другие неличные формы глагола (причастия, имена действия). Если причастные формы довольно-таки активно употребляются в качестве предикатного актанта слов *керек* и *тийишли*, то функциональный потенциал в этом плане у

имени действия незначителен: Манга ары баргъан тийишлиди (керекди) «Мне необходимо идти туда»; Сизге ары баргъу керекди «Вам следует идти туда».

Для предложений типа Манга аны кѣрген керекди характерна некоторая двусмысленность. С одной стороны, указывается на необходимость встречи с кем-либо: «Мне необходимо увидеть его». С другой стороны, причастный оборот передает значение объекта, необходимого для личного субъекта: «Мне нужен человек, который видел его».

Общая семантика для конструкций с предикатными актантами, имеющими в качестве главного предиката слова керек // тийишли, заключается в выражении необходимости выполнения личным косвенным субъектом того или иного действия.

В языке имеет место употребление в качестве выразителей включающего предиката лексем айып «стыд», ырыс «табу», функционирование которых связано с ментальной сферой человека. Основным смыслом построений с такими предикатами состоит в регламентации определенных типов действия лица, т.е. они налагают запрет на те действия лица, которые несовместимы с существующими в социуме нормами поведения.

Предикат айып, по сравнению с предикатной лексемой ырыс, имеет значительно больший функционально-когнитивный потенциал, ибо употребление последней обычно ограничивается рамками народных примет, верований. Для «айып» присущ больший субъективизм и его функции расширяются за счет самых различных сфер жизнедеятельности человека. Спецификой данного предиката является выражение оценки. Оба эти предиката могут иметь в качестве своих предикатных актантов как инфинитивные, так и причастные формы глагола. Но для предиката ырыс нормой является употребление с причастным оборотом. Примеры: 1) Жаз башында уугъа баргъан (барыргъа) ырысды «Хотиться весной – плохая примета»; 2) Ёлгенлени санагъан (санаргъа) ырысды «Считать умерших – плохая примета»; 3) Манга аман окъургъа айыпды «Мне стыдно плохо учиться»; Сизге дерси билмей къойгъан айыпды «Вам стыдно не выучить урок».

Как видно из примеров, в предложениях с предикатом ырыс опускается косвенный субъект, который можно восстановить из контекста. Но их спецификой является то, что они имеют обобщенный характер, обращенность не к конкретному лицу, а ко всем представителям общества в целом. Поэтому употребление косвенного субъекта здесь факультативно.

Указанные лексемы в качестве предикатных актантов могут представлять собой и главную часть сложноподчиненного предложения: Къайнар сууну жерге тѣксенг, ырысды «Если прольешь горячую воду на землю, то это плохая примета»; Таматаны айтханын этмесенг, айыпды «Стыдно, если не выполнишь задание старшего».

С точки зрения типологии, семантико-синтаксических особенностей и сферы функционирования, близки к указанным конструкциям и предложения

с вершинным предикатом жарамайды «нельзя». Примеры: Тиширыугъа аман айтыргъа жарамайды «*Ругать женщину нельзя*»; Сабийге зриши сѐлешсенг, жарамайды «*Нельзя грубо разговаривать с ребенком*» и др. Так как в этих предложениях наличествуют утвердившиеся в социуме каноны, то употребление косвенного субъекта излишне. Но немало конструкций и с ними: Санга алай айтыргъа жарамайды «*Тебе нельзя так говорить*»; Анга артха къалыргъа жарамаз «*Ему нельзя отставать*» и т.д.

Широкое распространение в карачаево-балкарском языке получили косвенно-субъектные предложения с включающими предикатами тынчды «легко» – къыйынды «тяжело». Включенные предикаты в них выражаются инфинитивом, причастием и именем действия, имеющими широкий диапазон семантики. Несмотря на различную формальную устроенность, они передают близкие друг другу значения: 1) Бизге ол жумушну толтургъан къыйынды // Бизге ол жумушну толтуруу къыйынды // Бизге ол жумушну толтургъа къыйынды «*Нам тяжело выполнить это задание*»; 2) Сизге быллайны ътген тынчды // Сизге быллайны ътюу тынчды // Сизге быллайны ътерге тынчды «*Вам легче пройти здесь*».

Для таких конструкций характерно выражение оценки ситуации по степени трудности выполняемого действия.

При грамматическом членении подобных конструкций в практике преподавания языка предикатные актанты, выраженные оборотами, образованными посредством имени действия и причастия, квалифицируются как подлежащие. Однако это возможно лишь при формальном подходе к их анализу.

При анализе предложений рассматриваемого типа следует учесть тот факт, что вершинные предикаты в них открывают синтаксические позиции не для всех причастных форм. Они ориентированы в большинстве случаев на причастия прошедшего времени. Что же касается причастий настоящего и будущего времени, а также оборотов с их участием, то их появление в структуре предложения обусловлено значением и формой не включающих предикатов типа тынчды, а другими причинами. Они очень часто употребляются в препозиции к имени и выполняют функцию определения. Ср.: Бизге бусагъатда къарыуубузну аяр иш тынчды «*Для нас сейчас легка работа, на которую тратится меньше сил*».

Появлению в предложении косвенного субъекта в дательном-направительном падеже и предикатных актантов в немалой степени способствуют и включающие предикаты общей оценки. К ним относятся такие слова, как иги «хорошо», аман «плохо», онглу «лучше», тап «лучше», тапсыз «хуже» и им подобные. Структура и семантика таких предложений может зависеть от того, на какое слово в предложении коммуникант делает ударение. Если выделяется сам вершинный предикат, то предложение имеет только косвенный субъект, один включенный предикат и предикат включающий: Манга бюгюн школгъа баргъан игиди «*Мне сегодня лучше идти в школу*».

При перемещении же ударения на другое слово, наблюдается усложнение конструкции другой формой глагола в исходном падеже, т.е. предложение становится сравнительно-различительным: **Манга сени кёргенден эсе, аны кёрген игиди** «Для меня лучше увидеть его, чем тебя».

В косвенно-субъектных предложениях предикаты выражаются также антонимичными темпоральными наречиями эртте «рано» – кеч «поздно». Примеры: **Манга юйге кьайтыргъа эрттеди** «Мне рано возвращаться домой»; **Сизге аны этерге кечди** «Вам поздно уже это делать». Они передают значение запрещения того или иного действия через указание на время. Для выражения же противоположной семантики языком используется отрицательная частица тьююл «не»: **Сизге билим алыргъа энтга кеч тьююлдо** «Получать знания вам еще не поздно».

И Х.Ахматов выделяет в тюркских языках косвенно-субъектные предложения, построенные по схеме «имя в дательном-направительном падеже + имя в местном падеже (или наречие места) + прилагательное в лично-предикативной форме». Он считает, что в таких предложениях форма субъектной лексемы (дательного-направительного падежа) определяется валентными свойствами предиката, обращает внимание на необходимость уточнения списка указанных предикатных лексем (Ахматов 1990:70). Ср.: примеры: **Анга былайда жылыды** «Ему в этом месте тепло»; **Анга мында кьыйын болукьду** «Ему здесь будет трудно».

Здесь следует внести некоторые поправки. В рассматриваемых конструкциях могут наличествовать не только одиночные имена в местном падеже, но и послеложно-именные сочетания, построенные по схеме «имя в родительном падеже + послеложное имя в местном падеже»: **Манга таула тийресинде игиди** «Мне хорошо в районе гор». Кроме наречия места встречается и употребление других адвербиальных компонентов (наречия образа действия, времени): **Бу ингирге бизге сууукьду** «Этим вечером для нас (нам) холодно»; **Кьызыгуда бизге жаланлай игиди** «В жару нам лучше без одежды». Рассматриваемые конструкции по семантике делятся на несколько подгрупп:

а) предложения с предикатами общей оценки, которые выражаются лексемами типа иги «хороший», аман «плохой», онглу «превосходящий», сейир «изумительный»: **Санга тауда игиди (М.Т.)** «Тебе в горах хорошо»; **Суфияннга анда онглубу** «Суфияну там лучше»;

б) предложения с предикатами состояния. **Маллагъа халжарда сууукьду (Ш.)** «Скоту холодно в сарае»; **Манга мында бек кьызыгуду (Н.)** «Здесь мне очень жарко»;

в) предложения с предикатами пространственных отношений: **Кьойлагъа орунда тарды (К.Ж.)** «Овцам в загоне тесно»; **Бизге бу отоуда бек эркинди (З.)** «Нам в этой комнате очень просторно».

Качество семантических конкретизаторов зависит также от семантики предикатных лексем. Анализируемый языковой материал показывает, что место семантического конкретизатора в предложениях с предика-

тами физического состояния обычно занимают конститuentы со значением пространства и времени. Для предикатов типа тар «тесный», кенг «широкий», эркин «просторный» характерно функционирование с локальными конкретизаторами.

Что же касается предикатов общей оценки, то диапазон семантических конкретизаторов в предложениях с их участием значительно расширяется. Так, например, можно встретить конкретизаторы функции, состояния, совместности и т.п.: Манга атлада кыйынды (Ш.) «Мне тяжело работать табунщиком»; Жюреги ауругъаннга кызыуда аманды (З.) «Сердечнику в жару плохо»; Манга нёгерлерим бла онглуду (К.) «Мне лучше с друзьями».

В лингвистической литературе, посвященной предикатам состояния, говорится о встроенном в само лексическое значение предикатива семы оценки/визуального наблюдения, поверхностным критерием чего служит валентность на дательный падеж лица. По мнению А.В.Циммерлинга, описание предикатной лексики при помощи двух параметров, т.е. субъекта состояния и субъекта оценки оправдывает себя не только для русского, но и для других языков: универсальным для них является то, что все они обозначают «визуально наблюдаемые и поддающиеся качественной оценке ситуации» (Циммерлинг 1999:225). На наш взгляд, тут дело не только в визуальном наблюдении, но и в собственных ощущениях, впечатлениях лица. На основе своих перцепций лицо приходит к тем или иным выводам, к соответствующей оценке. Как писал Ю.С. Степанов, «в пространстве 1л. говорящего осмысляются прежде всего субъективные состояния: У меня болит голова; У меня жар; У меня неприятности. Выражения со 2 и 3 л. У тебя голова болит; У него голова болит и т.п. возникли вероятно, по аналогии с 1л. Они содержат умозаключения по аналогии: при констатации внутреннего состояния только 1л. является подлинной констатацией, высказывания относительно всех других лиц – лишь утверждения о внешнем сходстве с описываемым субъективным состоянием» (Степанов 1989:128).

Общим для конструкций с указанными типами предикатов является как наличие оценки, так и компонентов, посредством которых передаются отношения сравнения. Уже сама интонация и структура предложения подсказывает это. Примеры: Манга жерчиликден эсе малда тынчды «Мне легче в животноводстве, чем в полеводстве»; Бусагъатда манга курортдан эсе юйде игиди «Мне сейчас лучше дома, чем на курорте»; Кыйчулагъа Бедикден эсе Гымышлада эркинди «Для чабанов просторней в Гымышла, чем в Бедыке» и т.д.

Как и в других тюркских языках, в карачаево-балкарском языке субъект выражается и формой винительного падежа. В первую очередь, это характерно для каузативных конструкций, предикатами которых являются глаголы в понудительном залоге. Ср.: Ол сабийни кьюандырды «Он обрадовал ребенка». Данное предложение состоит из трех конститuentов: подлежащего (ол), дополнения (сабийни) и сказуемого (кьюандырды). Подлежащее

здесь представляет собой каузирующий субъект, а дополнение передаст значение как объекта каузации, так и каузируемого субъекта состояния. Сказуемое же репрезентирует предикат состояния. Такие конструкции подвергнуты скрупулезному анализу в трудах И.Х.Ахматова (см., например: Ахматов 1983), а также в некоторых других работах, посвященных категории залога (Зиннатуллина 1969; Геляева 1999). В некоторых же случаях в каузативных конструкциях языка возможно употребление косвенных субъектов в дательном-направительном падеже: *Ол аны атха малтатды «Он затоптал его лошадью»*. Подобным предложениям в языке не уделено еще должного внимания. Однако рассмотрение обозначенной проблемы не входит в задачи нашего исследования.

При соответствующих условиях в субъектной функции широко употребительны и сочетания имен с послелогом *бла «с»*, что легко заметить как в глагольных, так и в именных конструкциях.

Для глагольных предложений присуще при этом формальное выражение двух участников действия – субъекта и косубъекта действия. Например: *Сослан Состар бла тутушады «Сослан борется с Состаром»*. Здесь предикат выражен взаимно-совместным залогом. Поэтому задается валентность для прямого и косвенного субъектов. Оба эти субъекта могут быть совмещены и во множественном субъекте. Но при этом для актуализации совместного действия возможно включение в структуру предложения сочетания *бир бирлери бла «друг с другом»*: *Ала (бир бирлери бла) тутушадыла «Они борются друг с другом»*.

Именные же конструкции с косвенным субъектом, выраженным сочетанием имени с послелогом *бла «с»* передают совсем другие значения (отношения равенства, дружбы, вражды и т.п.). Примеры: *Ол мени бла игиди «Он со мной в хороших отношениях»*; *Сен ала бла тенгсе «Ты равен с ними»*; *Азиз Асхат бла осалды «Азиз с Асхатом в плохих отношениях»*.

Таким образом, материал карачаево-балкарского языка позволяет сделать вывод о том, что косвенно-субъектные предложения имеют свои, отличные от других типов предложений, семантико-синтаксические особенности. Такие конструкции есть не только среди односоставных, но и среди двусоставных предложений. Если в односоставных конструкциях мы говорим в основном об одном косвенном субъекте, то в двусоставных их бывает больше. Косвенный субъект имеет разные средства выражения. Для этого используются формы косвенных падежей и сочетания имени с послелогом *бла «с»*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день в деле изучения синтаксиса простого предложения тюркских языков накоплен богатый опыт. Имеется немало работ, в которых рассматриваются вопросы, связанные с односоставным именным предложением. Однако они в большинстве своем построены по традиционной схеме и страдают определенными недостатками. В частности, на должном уровне не проводится структурно-семантическая характеристика указанных построений. Не уделяется внимание и на их антропоцентричность. Сказанным обуславливается обращение к односоставным именным предложениям в данной работе. Здесь в поле нашего зрения оказались безличные и косвенно-субъектные конструкции.

Материал языка позволяет нам разграничивать безличные и косвенно-субъектные предложения. Последние являются разновидностями как двусоставных, так и односоставных предложений. Традиционная лингвистика определенную часть косвенно-субъектных предложений относит к безличным. В карачаево-балкарском же языке они квалифицируются как особая разновидность односоставных предложений, с чем трудно не согласиться. Для рассматриваемых конструкций характерно и то, что они порой легко трансформируются в двусоставные конструкции. Отношения между их формальной и семантической структурой весьма часто асимметричны.

Односоставное именное предложение, как и другие синтаксические единицы, отражает ту или иную внеязыковую реальность. Семантический анализ позволяет нам показать, как организована его семантическая структура, отражающая определенную ситуацию. Закономерным является также поиск путей анализа синтаксических единиц в триединстве смысла, формы и функции. Несомненным является и то, что смысл как микро-, так и макротекста зиждется на структурно-семантическом, или типовом, значении предложения. Односоставные именные предложения имеют значительный функционально-когнитивный потенциал в языке. Они связаны с такими универсальными семантическими категориями, как оценочность, пространство, состояние, время и другими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. – 351 с.
2. Ахматланы И.Х. Малкъар тил. Синтаксис. 2=чи кесеги. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 245 б.
3. Ахматланы И.Х. Малкъар тилини грамматикасы. 2=чи кесеги. Синтаксис. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 231 б.
4. Ахматов И.Х. О безличных предложениях в тюркских языках // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Вып.1. – Нальчик: Эльбрус, 1977. – С.161-173.
5. Ахматов И.Х. Односоставные предложения // Грамматика карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – С. 488-507.
6. Ахматов И.Х. Соотношение между формальной и семантической структурой односоставного предложения в карачаево-балкарском языке // Советская тюркология. – 1978. – №5. – С. 26-32.
7. Ахматов И.Х. Къарачай-малкъар тилде иесиз айтымла. Студентлеге методика эсгертиле. – Нальчик, 1979. – 17 б.
8. Ахматов И.Х. Об определении безличности предложения в карачаево-балкарском языке // Советская тюркология. – 1979. – №4. – С. 47-53.
9. Ахматов И.Х. Образование структурно-семантических типов безличных предложений в карачаево-балкарском языке // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Вып.1. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – С. 25-36.
10. Ахматов И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке: (Основные вопросы теории). – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 360 с.
11. Ахматов И.Х. Формально-семантический анализ косвенно-субъектных предложений в тюркских языках (на материале карачаево-балкарского языка) // Советская тюркология. 1989. – №6. – С. 11-17.
12. Ахматов И.Х. Выражение субъекта в тюркских языках // Советская тюркология. – 1990. – №6. – С. 3-12.
13. Ахматов И.Х. Основные типы глагольных безличных предложений в тюркских языках // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Материалы региональной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры дагестанских языков Даггосуниверситета. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1997. – С. 38-40.
14. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.
15. Балакаев М.Б. Современный казахский язык. Синтаксис. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1959. – 235 с.
16. Баскаков А.Н. Предложение в современном турецком языке. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984. – 200 с.
17. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.

18. Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык М.: Азбуковник, 1997. – С. 606-868.
19. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. – 400 с.
20. Воронина Д.Д. О функции и значении семантического субъекта в строе русского предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 24 с.
21. Всеволодова М.В. Объем и содержание курса «Функционально-коммуникативная грамматика» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1995. – №2. – С. 97-106.
22. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М.: Из-во МГУ, 1958. – 332 с.
23. Гвоздев А.Н. Современный русский язык. Ч.2. Синтаксис. – М.: Просвещение, 1973. – 350 с.
24. Геляева А.И. Словоизменительная и словообразовательная функции залоговых аффиксов в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 128 с.
25. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
26. Журиная М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1997. – С. 194-258.
27. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань: Изд-во КГУ, 1963. – 464 с.
28. Закиев М.З. Современный татарский литературный язык: Синтаксис. М.: Наука, 1971. – С. 7-290, 300-302. – Соавт.: Х.Р. Курбатов.
29. Зиннатуллина К.З. Залоги глагола в современном татарском литературном языке. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1969. – 231 с.
30. Зиннатуллина К.З. Залоги глагола // Татарская грамматика. Т. II. Морфология. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1963. – С. 161-184.
31. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
32. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. – 368 с.
33. Казем-Бек А. Грамматика турецко-татарского языка. – Казань, 1839. – 528с.
34. Касевич В.Б., Храковский В.С. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1983. – С. 5-27.
35. Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. – 79 с.
36. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 312 с.
37. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.

38. Костинский Ю.М. Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 22 с.
39. Мадина Г. Безличные предложения в современном казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1959. – 19 с.
40. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. – Л.: Наука, 1990. – 239 с.
41. Махмудов Н.М. Семантико-синтаксическая асимметрия в простом предложении узбекского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 1984. – 45 с.
42. Неустров Н.Н. Безличные предложения в современном якутском языке. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1972. – 111 с.
43. Неустров Н.Н. Односоставное предложение // Грамматика современного якутского литературного языка. Т.2. Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 74-97.
44. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 320 с.
45. Сагитов М.А. Структурно-семантические типы безличных предложений в современном татарском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -Казань, 1964. – 32 с.
46. Сагитов М.А. К изучению безличных предложений в татарском языке // Вопросы тюркского языкознания. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. – С. 277-295.
47. Сатимов Г.Х. Типология безличных предложений (на материале современных английского и узбекского языков). – Ташкент: Фан, 1987. – 90с.
48. Современный русский язык. -М.: Азбуковник, 1997. – 928 с.
49. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – СПб.: Лань, 1999. – 864 с.
50. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
51. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. – М.: Наука, 1989. – 248 с.
52. Степанов Ю.С. Личности-безличности категория // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.272-273.
53. Типология конструкций с предикатными актантами. – Л.: Наука, 1985. – 232с.
54. Тыбыкова А.Т. Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение: Новосибирск. Изд-во Новосибирского университета, 1991. – 228 с.
55. Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки (Типы предикатов и эпистемическая шкала) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 221-228.
56. Чойбеков Р. Безличные предложения в немецком языке и их киргизские соответствия. – Фрунзе: Мектеп, 1980. – 112 с.
57. Ширяев Е.Н. Безличное предложение // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – С. 45-46.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович

**ИМЕННЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ И КОСВЕННО-СУБЪЕКТНЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Компьютерная верстка *Е.Х. Гергоковой*

Изд. лиц. Серия ИД № 06202 от 22.11.96.

В печать 29.05.2003. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печать трафаретная. Бумага газетная. 1.63 усл.п.л. 1.5 уч.-изд.л.

Тираж 100 экз. Заказ № 3835.

Кабардино-Балкарский государственный университет.

360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Полиграфическое подразделение КБГУ

360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.